

Галина Вишневская снова в России. Она прилетела из Парижа на съемки двух художественных фильмов — «Галина» и «Последний бенедикс». Первый — по автобиографической книге певицы, второй — по пьесам А. Н. Островского.

— Галина Павловна, вы не чувствуете себя здесь гостьей?

— Как можно чувствовать себя в гостях на родине? Хотя, с другой стороны, конечно, я все-таки здесь в гостях... Сейчас, когда у меня упал камень с души, мне хорошо. Скажу вам откровенно, я физически чувствую, как душа моя освобождается от гнета, который мучил все 18 лет, что меня не было в России. Я рада, я просто счастлива, что развязался этот узел.

— Если бы не было того июня 1974 года и все эти годы вы прожили бы здесь, как вы считаете, достигли бы вы того, чего достигли «там»?

— Знаете, в творчестве и в то время мне ничто не препятствовало. У меня в Большом театре была самая счастливая карьера, которую только можно было иметь. Я была любимой певицей лучших дирижеров и режиссеров. Все они мечтали со мной работать, ставить спектакли для меня. Всего этого я лишилась, уехав отсюда. Потому что я уехала в другой мир, где другие методы работы. Не говоря уже о том, что мне в 47 лет пришлось начинать новую жизнь и зарабатывать деньги, отказавшись от очень многих творческих планов во имя заработка.

Ну а материально, конечно, того, что я имею сейчас, у меня здесь не было бы. Потому что на Западе и я, и Ростропович достигли того, чего здесь просто нет.

Что же касается психологического состояния, здесь скорее всего был бы кошмар. Я-то все-таки хоть на сцене пела. Пусть бойкотировали пресса, радио и телевидение, но я по крайней мере была лишена возможности выйти на сцену и предьявить свое искусство. А Ростроповичу здесь был

полный конец, для него закрыли все. Ведь именно из-за него мы и приняли решение тогда уехать за границу. Правда, думали, что на пару лет... Но видите, как все получилось.

Наверное, здесь я просто потеряла бы голос, потому что в таком напряжении выходить на сцену очень трудно, и долго бы это продолжаться не могло.

— А как было там?

— Мы приехали в другой мир с совершенно другим стилем жизни. Приходилось очень напряженно трудиться. Представьте, к примеру, я вынуждена была подписать контракт на 10 спектаклей «Макбет» Верди в течение месяца. В Москве в лучшем случае я спела бы 2—3 спектакля.

— Известно, что вы уредили фонд помощи пенсионерам — бывшим артистам Большого театра. Но, как я слышал, у вас есть и другие фонды?

— Есть и другие. Не так давно мы с Ростроповичем создали в США фонд для организации детской больницы под Москвой. Уже есть реальные деньги. Первым сто тысяч долларов внес Ростропович. Он получил премию в Испании и всю ее отдал в фонд. В советском посольстве мы организовали вечер для весьма ограниченного круга людей. Десять американцев, присутствовавших там, внесли в фонд по десять тысяч долларов каждый. Конечно, это не баснословные деньги, но

все-таки начало солидное. Под Москвой уже выделено конкретное место для строительства больницы.

— Ваша книга «Галина» привлекла большой интерес читателей. В ней вы пишете, что, покидая страну, вспомнили известное лермонтовское стихотворение: «Прощай, немытая Россия, страна рабов, страна господ...». Как вы сейчас счи-

врачи, а именно деятели искусства, все те, кому доступны печать, радио, телевидение. Поймите меня правильно, я не говорю о пропаганде бодрости типа «Широка страна моя родная». Это теперь выглядело бы смешно. Но надо, надо вселить в людей уверенность! Привить им веру, надежду и любовь. Надо, чтобы народ захотел во имя

ского, павловского. Он прекрасен, фарфор XVIII века! В нем душа мастера видна лучше, чем на картине.

Вот смотрю я на маленькую чашечку и представляю, как при лучине, может быть, напевая, расписывала ее безграмотная русская крестянка, накладывая краски, и все расцветало. Даже в маленький цветочек вложено что-то свое, затаенное. Я гляжу на эту роспись, и душа моя раскрывается навстречу.

— Всем известно, что творческая судьба ваша счастлива, а счастливы вы как жена, мать, бабушка?

— И творческая моя судьба счастлива, и другие судьбы тоже. Как жена — это видно хотя бы по тому, что мы живем со Славой 37 лет вместе. Правда, наши профессии отрывают нас друг от друга, но это, наверное, на пользу.

Как мать... тоже счастлива. У меня две дочери — Ольга и Елена, и я вполне довольна их судьбами. А как бабушка счастлива абсолютно! У меня четверо внуков и жду пятого. Это ведь великое счастье — иметь детей и внуков. А что мы еще оставляем на земле? Ну записи... Нет, главное — это дети и внуки, которые будут продолжать мою жизнь.

— У ваших внуков русские имена. Они и говорят по-русски?

— Кто умеет говорить, тот говорит. А кто пока не умеет, потом будет знать русский обязательно. Хотя они все американцы, родились в Нью-Йорке и имеют американские паспорта.

— Галина Павловна, что бы вы хотели пожелать всем нам и особенно нашим женщинам?

— Что можно пожелать русским женщинам? Терпения? Терпение их безгранично, оно стало естественным состоянием. Пожелаю им душевного покоя. Пусть люди сами дадут себе покой и надежду, что все будет хорошо. Только бы не было кровопролития. Не дай Бог, Русь возьмется за топоры. Этого допустить нельзя.

Беседовал
Григорий ПРУСЛИН.

Галина ВИШНЕВСКАЯ:

ДУША МОЯ ОСВОБОЖДАЕТСЯ ОТ ГНЕТА

таете, «немытая Россия» перестанет быть страной рабов и господ? Станем ли мы нормальным цивилизованным государством?

— Должны! Должны вырваться! Ну как же еще иначе может быть? В конце концов, пройдя семидесятилетний путь унижения, не только физического, но и духовного, путь издевательств, народ должен очнуться. Я уверена — так будет. Когда? Никто предсказать не сможет, нет такого человека на земле.

— Вы следили за жизнью России с «того берега»?

— Да. И, думаю, представляла, что здесь происходит.

— Что должны делать люди искусства, культуры, чтобы спасти Россию?

— Надо морально поднимать людей. Я тут с утра до вечера слышу по радио и телевидению песни расхристанных юнцов, без конца вдалбливающих в голову что все кончено. Нет, надо давать людям надежду! Россия сейчас в глубокой депрессии, и вывести людей из нее должны не

своего возрождения что-то делать. Не только размышлять, как нам плохо, а встать и заставить себя работать. Искусство должно воспитывать человека-борца.

— Судя по автобиографической книге, вы себя воспитали именно такой. Книга заканчивается тем, как вы остаетесь в эмиграции. Будет ли продолжение?

— Будет. Может быть, не про все 18 лет. Но я ведь не писатель. Книгу надо выстрадать. Моя «Галина» — выстраданная книга, наверное, потому она и получилаась.

— Вы много работали, но уже два года не поете на сцене. Должно быть, прибавилось времени для себя?

— Все равно время у меня спрессованно. Я веду мастер-классы в разных странах, ставлю спектакли.

— У вас есть хобби?

— Коллекционирование. У меня замечательная коллекция картин. Но больше всего я люблю фарфор. Только русский. У меня в Париже большая коллекция русского фарфора, елизаветин-